

Н. Субботин

Дело патриарха Никона

**Историческое исследование по
поводу XI т. "Истории России"
профессора Соловьева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Субботин**
Дело патриарха Никона: Историческое исследование по поводу XI т. "Истории России" профессора Соловьева / Н. Субботин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 253 с.

ISBN 978-5-518-10381-8

С приложение актов и бумаг, относящихся к этому делу

ISBN 978-5-518-10381-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ четвертой главѣ одиннадцатаго тома русской исторіи профессора Соловьева изложено извѣстное дѣло патріарха Никона, начавшееся неудовольствіями царя Алексѣя Михайловича съ его «собиннымъ» другомъ, и кончившееся соборнымъ низложеніемъ патріарха и ссылкой въ заточеніе. Это безъ сомнѣнія, самая занимательная часть книги г. Соловьева. Авторъ пользовался подлинными актами Никонова дѣла, съ собственноручными отмѣтками царя, и другими не многимъ доступными источниками, что придаетъ еще болѣе значенія его изслѣдованію, которому сообщаетъ уже большой интересъ и самый предметъ его,—событіе дотогѣ небывалое въ лѣтописяхъ нашей исторіи—распря русскаго царя съ русскимъ патріархомъ, разсудить которую нарочно пріѣзжаютъ греческіе патріархи, собираются соборы духовныхъ властей и синклита,—и лица, принимавшія такое живое участіе въ этой странной враждѣ двухъ прежде не разлучныхъ друзей, и особен-

но личность самого Никона, этого необыкновенная человека, который из крестьянской хижины умѣлъ дойти до патриаршихъ палатъ и царскихъ чертоговъ, гдѣ былъ какъ у себя дома, и кончилъ заточеніемъ съ именемъ простаго монаха! Двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ произнесено соборное рѣшеніе по дѣлу Никона,—и доселѣ не установился еще вполнѣ правильный взглядъ на дѣло, равно какъ и на характеръ Никона. Слѣдуя сказаніямъ Шушерина и невольно подчиняясь силѣ характера и ума патриарха Никона, о которыхъ свидѣлствуютъ и его неутомимая дѣятельность въ разныхъ областяхъ церковнаго и гражданскаго управленія, и его быстрое возвышеніе по ступенямъ іерархической лѣстницы, одни превозносятъ его похвалами и съ удивленіемъ останавливаются предъ величіемъ этой, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательной исторической личности; другіе, напротивъ, обративъ вниманіе исключительно на темныя стороны его характера, осыпаютъ его порицаніями, обвиняютъ во многомъ, въ чемъ едва ли можно обвинять его, готовы видѣть въ немъ какую-то темную судьбу царствованія Алексѣя Михайловича. Мы не говоримъ уже о раскольникахъ, которые съ именемъ Никона доселѣ соединяютъ все, что только есть для нихъ не навистнаго. Еще менѣе опредѣленности во взглядахъ на распрю патриарха съ царемъ, въ рѣшеніи вопроса — кто

правъ здѣсь и кто виновать? или въ какой степени права и виновата та и другая сторона? Понятно отсюда, какой интересъ должно было возбудить изслѣдованіе объ этомъ дѣлѣ историка съ такою ученостью, какъ г. Соловьевъ, имѣвшаго притомъ въ своемъ распоряженіи подлинныя акты Никонова дѣла.

При своемъ здоровомъ взглядѣ на обязанности историка, не усвоивъ себѣ права произносить приговоръ надъ историческими дѣятелями, авторъ не произнесъ своего суда и надъ Никономъ. Но читателю не трудно понять, что его симпатіи не на сторонѣ патріарха, — и это очень понятно. личность Никона дѣйствительно не симпатическая. Сторонники Никона, составившіе о немъ понятіе по рассказамъ Шушерина, съ сожалѣніемъ должны сказать, что историкъ, слишкомъ недоувѣрчиво смотрѣвшій на эти рассказы, безжалостно развѣнчиваетъ величіе великаго патріарха. Но даже и не сторонники Никона должны признаться, что авторъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для изображенія его характера, — что по прочтеніи его рассказа, образъ Никона возстаетъ предъ глазами читателя въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ: вмѣсто человѣка энергическаго, всей душой преданнаго заботамъ о пользахъ церкви и государства, человѣка съ прямымъ и яснымъ взглядомъ на вещи, умѣвшаго стать выше суевѣрій и предрасудковъ своего

вѣка, въ защиту которыхъ такъ жестоко возстали на него раскольники, предъ нимъ является человекъ упрямый, властолюбивый, раздражительный до крайности и, что всего неожиданнѣе, мелочный и склонный къ суевѣрью, являющійся порой какимъ-то визионеромъ, напоминающимъ своего отчаяннаго противника, протопопа Аввакума! Мы вовсе не думаемъ, чтобы почтенный профессоръ хотѣлъ преднамѣренно изобразить такимъ патріарха Никона, еще менѣе,—что онъ сдѣлалъ это въ ущербъ исторической правдѣ. По нашему мнѣнію дѣло здѣсь главнымъ образомъ въ томъ, что разсказъ о Никонѣ вошелъ (и долженъ былъ войти) въ его исторію эпизодически, что по самому ходу своего историческаго труда, онъ долженъ былъ остановиться на такомъ періодѣ жизни Никона, въ которомъ по преимуществу выступили темныя стороны его характера, притомъ не мало измѣнившася въ теченіе осмилѣтнихъ неудовольствій съ дворомъ, тогда какъ дѣла патріарха, внушающія уваженіе къ его уму и даже характеру, относясь къ другому времени и принадлежа болѣе къ области церковной исторіи, не могли найти мѣста въ настоящемъ изслѣдованіи историка, и такимъ образомъ темныя стороны характера Никона неуравновѣшены здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, неослаблены свѣтлыми чертами его характера, въ которыхъ было бы несправедливо отказать ему, хотя первыя, дѣйствительно, часто брали

у него перевѣсъ надъ послѣдними. Представить характеръ и дѣятельность Никона, со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами, это задача его полной біографіи, въ которой есть теперь настоящая нужда, но которой мы вправѣ ожидать отъ ученаго и безпристрастнаго писателя, а не отъ какого-нибудь поверхностнаго разскащика. Не менѣе важно здѣсь и другое обстоятельство,—именно, что авторъ совершенно отстранилъ книгу Шушерина, желающаго во всемъ оправдать Никола * , а слѣдовалъ въ своемъ изложеніи источникамъ, имѣющимъ, такъ сказать, офиціальнѣйшій характеръ. Онъ имѣлъ основательныя причины не довѣрять Шушерину и, основываясь преимущественно на подлинныхъ актахъ Никонова дѣла, очевидно, руководился достойнымъ полнаго уваженія намѣреніемъ—сохранить во всей строгости историческую истину. Но кто внимательно разбиралъ всѣ эти акты, тотъ не можетъ не согласиться, что они представляютъ столько разнорѣчій и между собою и съ другими, не менѣе достоверными извѣстіями, столько вообще не яснаго, не досказаннаго, внушеннаго духомъ

---

* Книгъ Шушерина слѣдуетъ противопоставить сочиненіе Пансіа Лигарида о Никонѣ: онѣ представляютъ двѣ противоположныя крайности. Однакоже почтенный профессоръ съ большимъ довѣріемъ относился къ Пансію, нежели къ Шушерину.

партіи и личной страсти, что нужно тонкое историческое чутье и большой навыкъ, чтобъ изъ всѣхъ этихъ сказокъ, грамотъ и т. п., непогрѣшительно извлечь строгую истину. У нашего автора, безъ сомнѣнія, нѣтъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ и мы по справедливости должны сказать, что рассказъ его основанъ на несомнѣнныхъ показаніяхъ подлинныхъ актовъ, что какимъ представляется Никонъ въ этихъ послѣднихъ, такимъ является онъ и въ рассказѣ нашего историка. Считаемо нужнымъ сдѣлать только одно замѣчаніе. Остановивъ вниманіе преимущественно на личности Никона, представивъ во всемъ непривлекательномъ свѣтѣ его дѣятельность во время распри съ царемъ и при соборномъ изслѣдованіи его дѣла, — дѣятельность, большею частію, подъ вліяніемъ страстей, выходившихъ иногда за предѣлы всякаго благоразумія, историкъ недостаточно освѣтилъ противную сторону; а между тѣмъ и на этой сторонѣ страсти дѣйствовали со всею силою; всѣ лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ Никона, всѣ эти, такъ называемыя, власти, этотъ синклитъ и комнатные бояре, эти пришельцы далекаго востока — какую незавидную роль играли они въ дѣлѣ русскаго патріарха съ русскимъ царемъ! Едва можно найти между ними двухъ-трехъ человѣкъ, которые обнаружили въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ сколько-нибудь безпристрастія, независимости и благородной смѣлости. Чтобъ представить все это въ надлежащей полнотѣ, для этого,

конечно, потребовалось бы значительно расширить рамы исторической картины, притомъ, можетъ быть, въ ущербъ стройности цѣлаго труда,—да и самая картина вышла бы еще мрачнѣе; за то она выиграла бы въ вѣрности тому, что дѣйствительно было, и Николю былъ бы правильнѣе обставленъ, не выступалъ бы такъ рѣзко, мы лучше увидѣли бы въ немъ, при всей исключительности его характера, челоуѣка своего времени. Кромѣ того, надобно замѣтить, не всегда такъ называемые официальные акты можно предпочитать извѣстіямъ, не имѣющимъ никакого официального характера. Иногда одна замѣтка современника, одна фраза, мимоходомъ сказанная въ письмѣ или разговорѣ, проливаетъ на дѣло гораздо болѣе свѣта, нежели подробный и прямой отвѣтъ, вынужденный правожомъ и пыткою и записанный въ какой-нибудь сказкѣ. Въ бумагахъ, относящихся къ дѣлу Никона, можно найти не мало подобнаго рода замѣтокъ, разясняющихъ нѣкоторыя стороны дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ опущены авторомъ, между тѣмъ какъ имѣли право на большее вниманіе съ его стороны и были бы вовсе не лишними въ его изслѣдованіи.

Представляя читателямъ изложеніе Никонова дѣла, мы имѣли цѣлію главнымъ образомъ указать тѣ именно стороны его и тѣ подробности, на которыя г. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія, но которыя,

по нашему мнѣнію, не лишены занимательности и важны для правильнаго взгляда на это дѣло, сколько любопытное, столько же и важное по своимъ послѣдствіямъ *.

---

* Более важныя изъ тѣхъ актовъ и бумагъ, которыми мы руководствовались въ изложеніи Никонова дѣла, но которыя г. Соловьевымъ оставлены безъ вниманія, а можетъ быть и не были ему извѣстны, помещаемъ въ приложеніяхъ.

ДѢЛО ПАТРІАРХА НИКОНА.

I.

«Собинная» дружба царя Алексѣя Михайловича съ патріархомъ Никономъ прекратилась вскорѣ послѣ его возвращенія въ Москву изъ польскаго похода. Когда онъ пріѣзжалъ оттуда въ первый разъ и увидѣлся съ Никономъ въ Вязьмѣ, гдѣ послѣдній представилъ ему супругу его и семейство, которыхъ такъ заботливо охранялъ во время мороваго повѣтрія, тогда эта дружба существовала въ полной силѣ и новая услуга Никона царскому семейству, по видимому, укрѣпила ее еще больше. Быть можетъ именно тогда царь предоставилъ ему названіе «великаго государя», которое прежде усвоено было только патріарху Филарету и то какъ царскому отцу и соправителю. Какъ случилось, что Никонъ принялъ это «злополучное для него» имя, и когда это случилось, — по видимому онъ и самъ не зналъ опредѣленно. Онъ утверждалъ только одно, что это случилось не по его волѣ и даже не по желанію. «Надѣюся на Господа», писалъ онъ къ самому государю, «что нигдѣ не отыщется моего хотѣнія, или повелѣнія на сіе... и не вѣмъ откуда начася, а мню, тобою великимъ государемъ такіе начатки явились». Какъ бы то ни было, только Никонъ носилъ уже и употреблялъ въ указахъ титулъ великаго государя, когда царь окончательно пріѣхалъ въ Москву изъ

похода. Вскорѣ послѣ этого, какъ мы сказали, дружбѣ двухъ «великихъ государей» суждено было сильно колебаться. Нашъ авторъ хорошо объясняетъ внутрення основанія этого, по видимому, не ожидавшаго и во всякомъ случаѣ слишкомъ рѣзкаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ друзей. «Походъ, дѣятельность воинская, и «полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. «Великій государь возвращается въ Москву и застаётъ «тамъ другаго великаго государя, который въ это время, «будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился «вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые «умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ «его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать «вліяніе и власть, не дала ему нравственной твердости «умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему «тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье «разнуздадо его совершенно и непріятныя стороны его «характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, «которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною «нравственною сдержкою, заставляя постоянно быть образцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона уничтожило всякую сдержку, ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя «божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ «для себя все дозволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка